

Героическая троица Грифона непонимающе уставилась на меня. Мальчики по обе стороны от Лефтериса облокотились на своего опекуна и смущённо перешёптывались друг с другом. Анастасия же, в свою очередь, лишь хмыкнула и кивнула, как будто я только что подтвердил давнее подозрение.

— Старый 'Залос хранит неплохой такой секрет.

— Блять, — прошептала Элисса.

— ... блять, — согласился Кайно.

— Блять! — Лефтерис хлопнул ладонями по столу с такой силой, что тот треснул, и заставив его мальчишек вздрогнуть. А Элисса ударила его по плечу с такой силой, что он едва не упал на спину, но он, казалось, даже не заметил этого. — Как раз то, что мне нужно! Как раз то, что нам всем нужно!

— Не думал, что ты так сильно переживаешь за Оракула, — сказал я, озадаченный. На своей кушетке в дальнем конце комнаты Грифон пристально наблюдал за Лефтерисом.

— Я не переживаю за Оракула, — огрызнулся Лефтерис. — Я переживаю, когда мне передают секреты Тирана, как флягу у костра. Это не сплетни в бане, а 'Залос не из тех, кто пропускает оскорбления мимо ушей. Тираны сжигали целые родословные за меньшее; неужели ты не понимаешь?

— Сомнительно, — язвительно сказал Джейсон. — Как вообще Солус может понять прихоти Тиранов? — Скифас фыркнул.

Я закрыл глаза и молился о терпении.

— Независимо от того обидится Старый 'Залос на то, что его грязное белье выносится на всеобщее обозрение или нет, нас это не касается, — сказал Грифон, поднимаясь со своего места. Он проигнорировал многочисленные звуки сомнения и недоверия в свой адрес, подошёл к столу и занял место у единственной оставшейся его стороны. Рукой из плоти и крови он потянулся к карте, прижимая палец к первому пункту нашему назначения.

— Гнев Тирана не мешает ни моей культивации, ни моему пищеварению, — сказал он, слабо ухмыльнувшись моему резкому выдоху. — Кроме того, как только мы закончим с этим, он окажется у нас в большем долгу, чем любое оскорбление может перевесить.

— О боже, — прошептала Анастасия, вновь взглянув на карту. В едком зелёном пламени забрезжило понимание.

— Истинный Алый Оракул не мертва, — объяснил я остальным. — Она спала шестнадцать лет, страдая от болезни, которую никто не мог определить или вылечить.

— Никто не мог позаботиться вылечить, — с особым ударением произнёс Грифон.

— Кириос. — Кайно понял следующим.

— Кириос, — подтвердил я. — Сократ верит, что нектар и амброзия могли бы вылечить всё, чем бы ни болела Оракул, но кириос отказался поделиться своими личными запасами и он не позволил никому другому получить знания о том, как их синтезировать.

— И он забрал их все с собой, когда бросил вызов судьбам, — сказала Элисса с нарастающим ужасом. Я кивнул.

— Даже Сократ не знает точного рецепта. Но он знает, что кириос накопил эти знания, будучи Героем, и он знает, где кириос был. Какими бы ни были материалы, мы найдём их, если пройдем по его шагам.

— Это эпос кириоса, — сказал Лефтерис с тупым потрясением. Он всегда был худощав, линии его челюсти и щёк были заметны с того момента, как я впервые увидел его. Но недели, прошедшие после похорон, только усугубили его состояние — сейчас, глядя на карту, он выглядел полутрупом.

— Мы должны найти всё, что можно найти в каждом из этих мест, — объяснил я, не торопясь. Просто. Большого они сейчас не смогут вынести. — Это означает, что мы должны обеспечить проход через все города, которые могут нам встретиться, наметить курс и обеспечить корабль для тех мест, до которых мы не сможем добраться пешком. Нам понадобится провизия, а также план — лучше несколько. Лучше всего, если мы разделим наши усилия и сосредоточим часть из них на разведке дальних мест, пока остальные займутся ближними.

Кайно поднял руку, другой разминая лоб: «Помедленнее».

— Нет, остановись, — сказала Элисса, и та ярость зазвучала в её голосе. — И скажи мне, что ты не ожидаешь, что мы присоединимся к тебе в этом... этом...

— Захватывающем приключении, — предложил Грифон.

— Идиотизме, — выплюнула она. Она хлопнула по карте. — Целое Средиземноморье, от края до края! Путешествие через весь цивилизованный мир, в то время как до Олимпийских Игр осталось всего четыре месяца. Ты забыл, зачем мы вообще приехали в Олимпию, или... — и тут Песня Меча уставилась на меня и только на меня. — Тебе просто всё равно?

— Где остальные претенденты?

Горящие жаром пустыни глаза повернулись и остановились на бывшем Молодом Аристократе.

— Что?

— Где остальные претенденты? — снова спросил он, и алый драгоценный камень его ожерелья покачнулся, когда он наклонился вперёд. — Сотни Героев участвуют в Олимпийских Играх, не так ли? И всё же, если не считать людей в этой комнате, я могу пересчитать количество других Героических культиваторов, которых я встретил в этом городе на пальцах моих рук.

— Скольких из них? — спросил я язвительно, и он щёлкнул пальцами яростного намерения по моей голове.

— Ну? — нажал он. — Где они, Элисса? — Она усмехнулась ему. — Анастасия!

— Да, Грифон? — весело спросила едкая Героиня.

— Я молод и глуп, воспитанный в далёкой стране, где моими единственными соседями были варвары, — сказал он, бросив многозначительный взгляд в мою сторону. — Просвети меня — где все остальные претенденты?

— Там, где обычно находятся Герои, я полагаю.

— Хо? И почему они не здесь, чтобы готовиться к Играм? Ведь до них осталось всего четыре месяца, в конце концов.

Анастасия посмотрела на Грифона, а затем на разъярённую Героиню, сидящую за столом. Её улыбка стала ещё шире.

— Технически говоря, претенденты не обязаны находиться в городе Олимпии до месяца, предшествующего Играм. Большинство предпочитает проводить своё время на природе до этого.

— Со своими семьями и культами? — спросил Грифон. Анастасия приложила палец к подбородку, делая вид, что глубоко задумалась. Медленно, Кайно начал приближаться к Элиссе.

— "Стремясь к продвижению", что бы это ни значило для них. Каждый ранг — это преимущество перед конкурентами, ещё одна дверь, открытая для них.

— Как так?

— Герой первого ранга может участвовать только в одном соревновании, независимо от того, насколько он искусен в других, — искренне объяснила Анастасия, не испытывая никакого видимого удовольствия от нарастающей пневы Элиссы. — Герой второго ранга может участвовать в двух, третьего — в трёх, и так далее. Только капитан Героического Царства может надеяться выиграть славу в каждом состязании. Только капитан может надеяться завладеть Олимпийским огнём.

— Значит, слава достанется тем, у кого есть сила её добиться, — размышлял Грифон. Анастасия кивнула, лукаво взглянув в мою сторону. Терпение. Терпение, пока работа не сделана. — И вместо того чтобы стремиться увеличить свою силу, вместо того чтобы пополнять эпос в своей душе, Песня Меча предпочитает сидеть в этом доме и полировать свой клинок в течение четырёх месяцев. Поправь меня, если я не прав.

— Нет, — весело ответила Анастасия. — Ты абсолютно прав.

— Ядовитая сука, — прорычала Элисса и бросилась через стол. Комната пришла в движение, Кайно нырнул между двумя Героическими женщинами, пока Лефтерис отбросил своих мальчиков к мягкой кушетке на другом конце комнаты. Скифас резко свистнул, и вокруг меня с ним поднялся штормовой ветер, а Джейсон схватился за кинжалы на поясе и поднялся.

Грифон поднял бровь, глядя на меня через стол.

Гравитас.

Полдюжины Героических культиваторов ухнули и поперхнулись, когда их отбросило в самые дальние уголки комнаты, где каждый из них упал на мягкую кушетку с разной степенью грации.

Джейсон, сидевший слева от меня, бросил на меня преданный взгляд, свесившись через подголовник, пока его волосы задевали углы очага. "А я то, что сделал?" беззвучно спросил он.

Я пожал плечами, подавив вздрог от последовавшей за этим колющей боли. Я играл с огнём. Даже больше, чем обычно, учитывая, в какой компании я находился.

— Ты была готова выступить с нами против Ворбн, — сказал я Элиссе. Она мятежно уставилась на меня. — Что изменилось с тех пор?

— Мы объединились ради наших младших, что страдали, — ответил вместо неё Кайно. — И тогда мы рисковали меньшим, чем то, что ты просишь от нас сейчас.

— Ты уверен в этом? — спросил Грифон. Он упёрся всеми тридцатью руками панкратиона, сопротивляясь добродетели капитана, и единственный остался за столом вместе со мной. — Вы позволили похитить себя из своих комнат. Вы рисковали возмездием старейшин, своими руками уничтожая орудия их влияния. Вы хотите сказать, что противостояние восьмерым стоило вам меньше, чем следование по стопам одного?

— Это не просто "один", — пробормотал Лефтерис.

— Верно. Но подумайте о том, что мы получим. Подумайте о том, что мы можем увидеть, что мы можем испытать! Оставляя в стороне вопрос о нектаре и амброзии — ресурсах, ради которых любой культиватор сломает себе спину, чтобы попробовать. Подумайте о том, что мы можем получить как мужчины и женщины принципов, страсти, цели.

— И если вам нужно быть циничными, то все из вас, кто пришёл в Олимпию в поисках благ, что даст слава чемпиона, то представьте себе благодарность Тирана, которому только что вернули его жену.

— Почему ты хочешь помочь ему? — спросила Элисса со своей кушетки, подтянув под себя покрытые шрамами ноги.

— Я только что сказал...

— Нет. Почему ты хочешь помочь Старому 'Залосу? Почему любой из вас хотел бы этого? — Пустынный жар охватил нас с Грифоном по очереди. — В последний раз, когда мы говорили об этом, ты сказал, что не работаешь ни с ним, ни с его фракцией.

— Верно, — согласился Грифон.

— Тогда почему?

— Я приехал в Олимпию, чтобы увидеть Оракула.

— Ты видел их всех! — воскликнула она. — Всех, кроме одной, и даже тогда ты видел её дочь! Разве этого недостаточно?!

Грифон ответил без колебаний.

— Конечно, нет.

— Я уже говорил тебе, Грифон, — тихо сказал Кайно, поднимаясь с кушетки, которую он сломал пополам, когда приземлился на неё. — Тебе придётся дать нам больше, чем это, если ты хочешь, чтобы мы работали с тобой. Сейчас больше, чем когда-либо раньше. Независимо от того, что ты думаешь о нас, и независимо от твоей гордости.

— Для чего вы здесь, на самом деле? — наредила Элисса. — Олимпийские игры, компания Оракулов, преемственность кириоса? Что именно?

— Всё это, и даже больше.

— Вы оба здесь от имени Розовой Зари, — обвинил Лефтерис. — Не приукрашивай. — Грифон улыбнулся и ничего не сказал.

— В бане, — сказал Кайно, — вы сказали нам, что Старый 'Залос не говорит от имени Алого Города. Какую цель может преследовать этот поход для Дэймона Этоса?

Я полностью отпустил бразды правления разговором, смирившись с любой нелепостью, которую задумал Грифон.

— Что может хотеть Тиран Розовой Зари от рецепта нектара и амброзии? Пищи и питья божеств? — повторил Грифон для всех присутствующих. — Это то, о чём ты меня спрашиваешь?

А вот и оно.

В тишине и ужасе, последовавших за его словами, Грифон достал из золотой шали, обёрнутой вокруг его талии, свиток свёрнутого папируса. Он положил его на стол рядом с картой, чтобы все могли видеть иллюстрацию на его потёртой внешней поверхности. Четыре молодых юноши стояли под кольцом засохшей крови — что когда-то было алым солнцем, как я понял.

— Вы хотите знать, почему мы с Солом согласились на этот поход? Я уже сказал вам. Вы хотите знать, почему мы берём вас с собой? Всё также просто — я верю, что есть нить, которая связывает нас всех вместе, — сказал он, развязывая бечёвку на свитке. — За пределами наших достоинств, наших противоречивых характеров, наших мечт и невзгод — у каждого из нас есть Тиран, под властью которого мы слишком долго томились. Каждый из нас ищет выхода из порабощения. Говорите сейчас или никогда больше, если я не прав.

Я открыл рот.

— Молчи, никчёмный Римлянин.

Я фыркнул, но подчинился. Больше никто в комнате не пытался заговорить — даже мальчики, как ни странно. Хотя, возможно, они просто решили, что вопрос задан не им.

— Верно, — резко сказал Грифон, отбросив бечёвку и проведя большим пальцем по главному углу свитка. — Я верю, что мы можем помочь друг другу, как верю и в то, что где-то глубоко в ваших душах ещё остались Герои, о которых стоит рассказывать истории. Поэтому, в знак доброй воли, позвольте мне быть первым, кто поделится.

Он одним резким движением раскрыл свиток, папирус ударился о стол, скатился на пол и покатился через всю комнату — прямоком в открытый очаг. Самый дальний край старого папируса мгновенно загорелся, и свет пламени стремительно пронёсся по остальному свитку.

Освещая каждое слово.

— Позвольте мне рассказать вам историю о человеке, которому я поклялся противостоять, — сказал Грифон, когда пламя поднялось от папируса, и пневма выплеснулась из свитка. Он обнажил зубы в злобной ухмылке, когда шёпот риторики надавил на наши чувства и втянул нас в розовое сияние.

— Слушайте внимательно. Это история о Дэймоне Этосе.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3632846>